

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ НАД ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ КАК ОДНИМ ИЗ КОМПОНЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Михед Н. В., доцент

В современной филологии учеными с различных позиций рассматриваются такие понятия, как «художественный текст» и «художественное произведение». Так, Д. Лихачев обращает прежде всего внимание исследователей русской литературы на роль текста: «С текстологической точки зрения произведением следует называть текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое». И там же далее: «Понятие «произведение» относительно» [3, с. 6].

В какой-то мере это замечание справедливо: изучать как поэтическое, так и прозаическое художественное произведение любого объема можно только текстуально — нельзя проанализировать произведение, постичь его глубину, не обращаясь непосредственно к тексту.

Ю. М. Лотман, анализируя пространство художественного произведения и пространство текста, приходит к следующему выводу: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение — одно и то же. Текст — один из компонентов художественного произведения» [4, с. 24]. Эта мысль варьируется во многих работах указанного автора и сводится к тому, что художественное произведение неотрывно от текста-носителя, в определенном плане суть его, хотя, как неоднократно в различных работах подчеркивает автор, не тождественно ему.

Заслуживает особого внимания точка зрения А. Р. Лuria, который рассматривает художественное произведение с позиции дифференциации разных уровней прочтения и аналитики: «...можно прочитать художественное произведение поверхностно, выделяя из него лишь слова, фразы и повествование об определенном внешнем событии; а можно выделить скрытый подтекст и понять, какой внутренний смысл таится за излагаемыми событиями; наконец, можно прочесть художественное произведение с еще более глубоким анализом, выделяя за текстом не только его подтекст или общий смысл, но и анализируя ... мотивы, побудившие автора писать данное произведение» [7, с. 315]. На основании разной глубины прочтения и, как следствие, всестороннего серьезного анализа художественного произведения можно, как нам представляется, говорить о разных планах понимания художественного текста и произведения художественной литературы: более глубокий, более широкий смысл литературного произведения связан с пониманием того, чего автор, создавая данный текст, хотел достичь и к чему пришел в процессе творчества, на основании чего происходит, например, осмысливание художественного текста как своеобразного высказывания в контексте творчества автора, его личности, мыслей, чувств и одновременно, что очень важно, как реплики в полилоге национальной и мировой культуры.

Поэтому назначение художественных текстов в процессе обучения русскому языку как иностранному не только превратиться в «урок языка», но и в равной степени стать объектом других видов филологического анализа, которые знакомы иностранным студентам по опыту чтения художественной литературы на родном языке и, думается, в какой-то мере усвоены в процессе обучения русскому языку в БГУ.

В инофонной аудитории, как показывает опыт, анализ объемных художественных произведений в силу определенных сложностей чаще всего носит содержательный характер и ориентирован именно на смысловое восприятие читателем-иностраницем через художественный текст содержания всего произведения. Любой художественный текст, как считает Ю. М. Лотман, «должен быть понят как сообщение на естественном языке», не вызывающем трудностей при анализе научными понятиями и категориями, т. е. с помощью тех же средств естественного литературного языка [5, с. 34]. И это справедливо — увлечение преподавателем на занятиях насыщенной специальной терминологией затрудняет восприятие студентами текста, а порой вообще отбивает у них желание читать художественные тексты. Считаю, что в работе со студентами — нефилологами не следует проводить предварительную детальную работу по изучению филологической терминологии и т.п. Достаточно общего представления (с учетом опыта прочтения на родном языке), чтобы в естественной обстановке общения читателя с текстом возникли условия для непосредственного диалога читателя с автором через текст, который сам

помогает читателю освоить язык в достаточной степени для понимания содержания данного текста. Собственно в этом и состоит коммуникативный аспект работы над художественным текстом, определяемый классической формулой — «автор — текст(образ)- читатель».

Успех общения автора через текст(образ) с читателем зависит от единого кода—самого языка, которым они пользуются , а также от присутствия в тексте узнаваемых образов, знакомых ситуаций, определенной общей для обоих информации и т.п. Незнание отдельных положений, ситуаций, фактов, событий компенсируется развитием навыков рефлексивной мыслительной деятельности с опорой на лингвистические и литературоведческие знания, контекст, тему или ситуацию, знания психологи и др. наук, личный опыт и т. д. Особенное внимание при восприятии читателем — иностранцем смыслового и образного пространства художественного текста следует уделить развитию языковой догадки.

Различия между понятиями художественное произведение поэта и его поэтический текст если и есть, то весьма незначительны. Поэтому в отношении малых стихотворных форм, с точки зрения автора, допустимо говорить о синонимичности понятий художественный текст и художественное произведение.

Преподавателю, работающему в иностранной аудитории, хорошо известно, что для правильного восприятия студентами прочитанного прозаического или поэтического текста, его соответствующего понимания, а также выявления различных взаимосвязей национальной и мировой культур, каждая деталь текста требует глубокой проработки, серьезного всестороннего анализа. Однако это не всегда способствует, как показывает опыт, постижению студентами идеально-эстетического смысла произведения, поскольку язык художественного произведения, и в первую очередь поэтического, представляет собой не внешнюю, как бы неизбежную форму для определенного содержания, а прежде всего — само содержание.

Кроме содержательности языка художественной литературы, следует отметить, что это национальный язык, функционирующий во всей полноте своих возможностей, особенно экспрессивных, эстетических и философских. При этом следует учитывать, что художественный поэтический текст, как правило, построен так, что каждая деталь и весь текст в целом включены «в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение. Будучи обнажено в метафоре, это свойство имеет более общий характер» [6, с. 286].

Поэтому при предъявлении поэтических текстов представляется важным обратить внимание иностранных студентов на умение автора использовать формальные приемы, т. е. на некоторые аспекты его технической виртуозности — от изысканно развитого чувства звука и ритма до поразительных метафор. Для этого поэтический текст обязательно в полном объеме должен быть предъявлен учащимся в аудитории, поскольку «актуализация текста всегда связана с подчеркиванием «на слух» его структуры» [5, с. 97]. Это подчеркивание «на слух» структуры поэтического текста помогает иностранному студенту лучше освоить эстетическую семантику художественного текста, без которой невозможно глубоко проникнуть в его смысл.

Н. В. Кулибина неоднократно в работах о роли художественного текста при изучении русского языка как иностранного заявляет о нецелесообразности на этапе представления текста использования звукозаписей—«образцов чтения литературных произведений профессиональными исполнителями. Во-первых, яркая эмоциональная индивидуальная манера будет для слушателя-игофона дополнительной трудностью и усложнит, а не облегчит восприятие текста, пока еще не совсем понятого...» [2, с. 118]. С этим трудно согласиться, поскольку, например, на завершающем этапе обучения уже при первом прослушивании в звукозаписи читаемых самим И. Бродским стихов, как правило, иностранные студенты без труда улавливают своеобразие ритма и чувствуют мелодичность стихотворного текста, поскольку авторское исполнение привносит в традиционную выразительность и четкость профессионального чтения особую музыкальность, удивительную напевность. «Подчеркивая рифму и размер, делая паузы даже на анжамбированных окончаниях строк и декламируя текст уникальным мелодическим распевом, Бродский декларирует превосходство поэзии над смертным существованием (синтаксис, разговорная речь) и в то же время отделяет поэзию от других форм словесного творчества, таких, как проза и драма» [8, с. 40]. Его же авторское чтение некоторых текстов раннего творчества помогают иностранным студентам уловить, как отдельные свойства стихотворной речи сближаются, например, с джазовой поэтикой, духом джазового импровизационного музелизирования, свободного и независимого от любых штампов.

Литература

1. Белый, А. Как мы пишем... / А. Белый. — М., 1989.
2. Кулибина, Н. В. Зачем, что и как читать на уроке / Н. В. Янечек. — СПб, 2001.
3. Лихачев, Д. С. Текстология. (На материале русской литературы X—XVII веков) / Д. С. Лихачев. — М., 1983.
4. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха / Ю. М. Лотман. — Л., 1972.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Языки русской культуры / Ю. М. Лотман. — М., 1999.
6. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике искусства / Ю. М. Лотман. — М., 2002.
7. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Р-н/Д, 1999
8. Янечек, Дж. «Стихи на смерть Т.С.Элиота». Как работает стихотворение Бродского / Дж. Янечек. — М., 2002.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Проконина В. В., преподаватель

Учебники, учебные пособия, тексты лекций, упражнения, методические указания, отдельные статьи представляют сферу функционирования терминологических единиц. Выделение терминов для последующей систематизации и составления словарей требует разработки определенных критериев, поскольку определение «терминологичности» слов и словосочетаний является достаточно спорным явлением. К основным критериям отбора терминологических единиц исследователи относят: *дефинитивный критерий, критерий концептуальной целостности, информационный, статистический критерии, критерий логических теорем, логико-интуитивный, графический и стилистический критерии*.

Исследованием терминологических единиц и разработкой критериев их отбора занимались Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин [1], Б. Н. Головин [2], В. П. Даниленко [3], Д. В. Детко [4], Т. Л. Канделаки [5], И. С. Квитко [6], Н. М. Ларионина [7], Н. В. Лавринович [8], Л. А. Новиков [9], О. В. Подолина [10], А. В. Шершнев [11] и др.

Дефинитивный критерий отбора терминологических единиц требует наличия определения, или дефиниции для термина. Недостаток дефинитивного критерия заключается в том, «что при таком подходе будет определен только класс базовых терминов, выражающих наиболее актуальные понятия предметной области, так как отнюдь не все понятия дефинируются в научной, учебной и технической литературе...» [1, с. 62].

Критерий концептуальной целостности был предложен В. М. Овчаренко. Исследователь указывает, что «распознавание отдельного термина сводится к выделению соответствующего специального понятия и выражающего его языкового знака» [1, с. 62]. При этом терминологическое словосочетание должно обладать семантической целостностью, под которой подразумевается «невозможность полного выведения специального значения знака непосредственно из значений его компонентов, объединенных по соответствующей структурно-семантической модели» [1, с. 62]. Неоднозначность данного критерия заключается в том, что многие словосочетания выражают специальные понятия, но, согласно этому критерию, не могут называться терминологическими, потому что их значение целиком выводится из значения компонентов.

Информационный критерий связан с предложенными в информатике принципами отбора лексики в словарь-тезаурус. Словосочетание является терминологическим, если над ним без потери смысла нельзя провести ни одну из данных операций: 1) заменить составляющие словосочетания синонимами; 2) заменить прилагательное существительным с предлогом; 3) заменить основное слово его производным; 4) изменить порядок слов в словосочетании; 4) вставить между прилагательным и существительным еще одно прилагательное» [1, с. 63—64].

Согласно *статистическим* исследованиям, термины представляют собой устойчивые словосочетания с максимальной частотой употребления в текстах.

Критерий логических теорем построен на выявлении реальной логики между понятиями родовыми и видовыми, понятиями целого и его части. Таким образом, «если единица языка, обозначающая родовое понятие, — термин, то и все единицы языка, обозначающие соответствующие видовые понятия, — также термины; справедливо и обратное утверждение: если единица языка, обозначающая видовое понятие, — термин, то и единица языка, обозначающая